

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

7 класс

Задание 1. Аналитическое задание. Прочтите тексты произведений (рассказ и стихотворение). Выберите и выполните только ОДНО задание из предложенных.

Максимальный балл – 70.

Вариант 1. Прочитайте рассказ В. Железникова «Космонавт» и **напишите отзыв об этом произведении.** Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Владимир Железников

Космонавт

Новенький сидел на последней парте. Его нельзя было не заметить: у него были ярко-рыжие волосы.

— У нас новичок, — сказал Лёвушкин.

— Откуда ты приехал? — спросил я.

— Наш дом снесли. И мы получили новую квартиру.

— Твоя фамилия?

— Княжин.

— А как ты занимался по физике?

— Это мой любимый предмет.

Всё-таки он был очень рыжий, и я невольно смотрел на его волосы и не видел лица.

Я начал объяснять новые формулы. Каждый раз, когда я поворачивался к доске, чтобы написать формулу или нарисовать чертёж, Лёвушкин шептал и хихикал за моей спиной.

— Не мешай слушать, — донёсся до меня голос Княжина.

Я оглянулся: у Лёвушкина был такой растерянный вид, точно он хлебнул горячего чаю, сильно обжёгся и не знал, то ли выплюнуть этот чай, то ли проглотить.

— Княжин, — сказал я, — подойди к доске и реши задачу по новой формуле.

Он быстро решил задачу и чётко, без запинки, всё объяснил. Мне понравилось, как он отвечал. Многие ребята в классе говорили лишние слова, а Княжин нет.

После звонка, когда я выходил из класса, то услышал голос Лёвушкина:

— Видали, какой? Я ему мешаю. Первый день — и уже наводит свои порядки. Академик Фок! Пошевелинуться нельзя. Рыжий, да ещё подлиза.

— Я и сам знаю, что рыжий, — спокойно ответил Княжин. — А ты дурак, раз дразнишься. Это совершенно точно.

Через неделю я увидел у старшей вожатой списки ребят, записавшихся в разные кружки. В физический кружок первым записался Княжин. «Хорошо, подумал я. — Княжин — парень что надо».

Я полистал списки других кружков и в каждом наталкивался на фамилию Княжина. И в зоологическом, и в математическом, и в спортивном. Только в кружок по пению он не записался.

На перемене я окликнул Княжина.

— Зачем ты записался во все кружки? — спросил я. — По-моему, это несколько легкомысленно.

— Мне надо, — ответил он.

— Может быть, ты не знаешь, что увлекает тебя больше всего?

— Нет, я знаю, — упрямо ответил он. — Но мне надо. Это моя тайна.

— Тайна это или не тайна, — сказал я, — но на занятия физического кружка можешь не приходить. Если ты будешь работать в зоологическом, математическом и спортивном кружках, то на физику у тебя не останется времени.

Княжин очень расстроился и даже побледнел. Я пожалел, что так резко с ним разговаривал: всё-таки он ещё мальчик.

— Я должен всё знать, я должен быть незаменимым, — сказал он. — Я буду пилотом космического корабля. Я никому этого не говорил, но вы меня заставили.

— А-а! — протянул я. И впервые посмотрел ему прямо в лицо. Под рыжим чубом у него было выпуклый лоб, а глаза были голубые и отчаянные.

«Этот долетит, — подумал я, — этот долетит!» Я вспомнил, как во время войны прыгал с парашютом и как это страшно, когда прыгаешь в пустоту. Посмотришь

на далёкую землю, на деревья, похожие всего лишь на бугорки мха, на реки с дождевой ручеёк, и хочешь ты этого или не хочешь, а подумаешь: «Вдруг парашют не откроется?» И тогда земля делается не желанной, а страшной. «А ведь тем, кто полетит в космос, будет ещё страшней. Но этот всё равно полетит».

— Тогда я не возражаю, раз такое дело, — сказал я.

— Спасибо, — ответил Княжин.

За три месяца он не пропустил ни одного занятия физического кружка. А потом вдруг перестал ходить. И на уроках он был рассеянным и даже похудел.

— Княжин, — спросил я, — почему ты бросил кружок? Не успеваешь?

Он поднял на меня глаза. Это были глаза другого человека. Они были не отчаянные, а печальные и потеряли голубой цвет.

— Я ещё буду ходить, — ответил он.

Лёвушкин мне сказал (он подружился с Княжиным):

— У него большая неприятность. Рассказать не могу, но большая неприятность.

Я решил поговорить с Княжиным на днях, но случай свёл нас в этот же вечер. Я стоял в книжном магазине у прилавка и вдруг услышал позади себя знакомый голос:

— Есть что-нибудь новенькое?

— Мальчик, — ответила девушка-продавщица, — не может быть каждый день что-нибудь новенькое. Ты заходил бы раза два в неделю.

Я оглянулся. Передо мной стоял Княжин, но что-то незнакомое было в выражении его лица. Я сразу не догадался, а потом понял: у него на носу красовались очки. Маленькие, ребячьи, очки в белой металлической оправе.

Минуту мы стояли молча. Княжин стал пунцово-красным, у него покраснели щёки, уши и даже нос.

— А, Княжин, — сказал я.

Больше я не успел ничего добавить — он пустился наутёк.

Я бросился за ним.

— Княжин! — крикнул я. — Княжин, стой!

Какой-то мужчина посмотрел на меня, а женщина крикнула:

— Держи мальчишку!

Тогда Княжин остановился. Он не смотрел на меня, снял очки и низко опустил голову.

— И тебе не стыдно? Мало ли людей носят очки и совсем не стыдятся этого. Прости меня, но, по-моему, это глупо.

Он промолчал.

— Убегать из-за такой ерунды. А Лёвушкин говорил: «У Княжина большие неприятности». Чепуха!

Тогда он поднял голову и тихо сказал:

— А ведь меня теперь в лётчики не возьмут, я узнавал — близоруких не берут, и космические корабли мне не водить. Я эти очки ненавижу.

Ах, вот в чём дело! Вот почему он такой несчастный и похудевший. Разлетелась в куски его первая мечта, и он страдал. Один, втихомолку.

— Зря ты так мучаешься, — сказал я наконец. — Полетишь на космическом корабле астрономом, инженером или врачом.

— Значит, вы думаете, я всё же могу надеяться? Могу? — Он ухватился за мои слова с радостью. — Как же я сам не сообразил? Просто дурак, это совершенно точно.

Он был такой счастливый! А я подумал: «Хорошо, когда у человека ясная цель в жизни и всё впереди».

ИЛИ

Вариант 2. Прочитайте стихотворение Э. Асадова «О том, чего терять нельзя...» и **напишите отзыв об этом произведении**. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Эдуард Асадов

О том, чего терять нельзя

Нынче век электроники и скоростей.

Нынче людям без знаний и делать нечего.

Я горжусь озареньем ума человеческого,

Эрой смелых шагов и больших идей.

Только, видно, не все идеально в мире,
И ничто безнаказанно не получается:
Если рамки в одном становятся шире,
То в другом непременно, увы, сужаются.

Чем глазастей радар, чем хитрей ультразвук
И чем больше сверхмощного и сверхдальнего,
Тем все меньше чего-то наивно-тайного,
Романтически-сказочного вокруг.

Я не знаю, кто прав тут, а кто не прав,
Только что-то мы, видно, навек спугнули.
Сказка... Ей неуютно в ракетном гуле,
Сказке нужен скворечник и шум дубрав.

Нужен сказке дурман лугового лета,
Стук копыт, да мороз с бородой седой,
Да сверчок, да еще чтоб за печкой где-то
Жил хоть кроха, а все-таки домовый...

Ну а мы, будто в вихре хмельного шквала,
Все стремимся и жить и любить быстрее.
Даже музыка нервной какой-то стала,
Что-то слишком визгливое слышится в ней!

Пусть река — не ожившая чья-то лента,
И в чащобах не прячутся колдуны.
Только людям нужны красивые сны,
И Добрыни с Аленушками нужны,
И нельзя, чтоб навеки ушла легенда.

Жизнь скучна, обнаженная до корней,
Как сверх меры открытая всем красавица.
Ведь душа лишь тогда горячо влюбляется,
Если тайна какая-то будет в ней.

Я — всем сердцем за технику и прогресс!
Только пусть не померкнут слова и краски,
Пусть хохочет в лесах берендеевский бес,
Ведь экстракт из хвои не заменит лес,
И радар никогда не заменит сказки!

Задание 2. Творческое.

Представь, ты приехал в незнакомый город. Как найти гостиницу, кафе и т.д.? Какие достопримечательности нужно обязательно посмотреть? Вот здесь то и поможет волшебная палочка туриста – путеводитель. Это книжка, брошюрка или интернет-издание, которое помогает путешественникам ориентироваться в незнакомом месте или заранее подготовиться к путешествию.

Создайте путеводитель по вымышленному городу, населенному героями русских былин. Дайте название этому городу. Продумайте, какие герои проживают там, какие достопримечательности их окружают, какие опасности могут подстергать путешественников. Разработайте возможный маршрут, предложите, где они могут поесть и остановиться на ночлег. Какие сувениры в память о поездке путешественники могут привезти домой?

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Максимальный балл – 30.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

8 класс

Задание 1. Аналитическое задание. Прочтите тексты произведений (рассказ и стихотворение). Выберите и выполните только **ОДНО** задание из предложенных.

Максимальный балл – 70.

Вариант 1. Прочитайте рассказ В. Гроссмана «Старик» и **напишите отзыв об этом произведении.** Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Василий Гроссман

Старик

О старике Семене Михеиче говорили как о самом тихом человеке в селе. Он не пил, не курил, никогда не досадовал на соседей. Ни разу не слышали, чтобы он поругался со своей старухой. Голос у него был мягкий, тихий. И движения были мягкие, тихие.

Когда начали подходить немцы, кто-то из соседей стал собираться в партизаны.

— Диду, пошли в партизаны, — говорили ему шутя.

Но он отвечал:

— Это не моей души дело — стрелять да убивать.

— Ты за немцев, что ли? — спросил его сосед Федька.

— Какое там «за немцев», — отвечал Семен Михеич, — у них правды нет. Только какой из меня воин? Не та во мне природа. Мне лошадь кнутом ударить совестно. Сердце у меня мягкое.

Старуха Филипповна, заступаясь за мужа, сказала:

— Он же все с пчелами. Вот и стал такой тихий. Пчела не любит сердитого человека.

— Верно, не любит, — подтвердил старик. — Вот наш председатель Прокофий, — его пчела не выносит, шумный он, скорый.

Во время этого разговора подошел сам председатель. За поясом у него были две гранаты, за плечами винтовка.

— О чем разговор? — спросил он.

— Да вот, суровый ты человек, — сказал Семен Михеич. — А вот у нас в роду никто крови не проливал. Мать курицу зарезать боялась, соседок просила.

— Смотри, дед, — ответил на это председатель, — до немцев очень добрым не будь, ответишь за это перед народом.

И он пошел широким шагом вдоль по улице.

Старик только покачал головой, а старуха так обиделась на председателя, что даже сплюнула.

Немцы простояли в селе три месяца без двух дней. Сначала здесь прошли передовые части германской армии. Они ограбили село начисто. Бабы заходили в темные хлевы и плакали, вспоминая коров. Исчезали из хат полушубки, вышитые рушники, ватные кацавейки, одеяла, подушки. Днем бабы и старики собирались и проклинали немцев, перечисляли свои обиды.

Семен Михеич молчал, слушал гневные разговоры и вздыхал. Он пострадал от немцев не меньше других. Они разорили его любимые ульи, забрали запасы меда, пшеницы. Даже старинную кровать, на которой он спал долгие десятилетия, вывез на грузовике какой-то красноглазый унтер.

Вечером старики становились у икон и молились богу в темной пустой хате. Ночью старуха плакала, а старик утешал ее.

— Ну, что плакать! — говорил он. — Ведь это горе все терпят, весь народ страдает. Мы с тобой одинокие, старые, проживем как-нибудь.

В декабре приехал штаб немецкой дивизии. Квартирьеры выбрали лучший дом под железной крышей для генералов, согнали баб белить стены и мыть полы, а мужиков заставили мостить перед домом тротуар из красных кирпичей. Деду Семену приказали вымостить длинную кирпичную дорожку от двора до уборной на огороде. Унтер-офицер сердился, что Семен Михеич неаккуратно ладит дорожку, и два раза приказывал ему перекладывать кирпичи. Дед впервые в жизни выругался нехорошим словом.

В избе у Семена Михеича поселился врач. Это был худой человек с маленькой лысой головой. Семена Михеича и Филипповну выселили в холодные сени. Ночью они из-за холода не могли спать и слышали, как врач кричал каркающим голосом в телефонную трубку:

— Камышеваха! Камышеваха!

Он требовал вагонов для эвакуации раненых. Раненых и обмороженных было много, а поезда почти не ходили — партизаны разрушали пути. «Должно быть, Прокофий старается», — думал старик.

«Арцт»* кричал охрипшим голосом на приходивших к нему и то и дело вызывал денщика для разных поручений. Денщик боялся его до полусмерти. Каждый раз у денщика, заходящего в комнату, было такое страдающее, поблекшее лицо, что Семену Михеичу даже жалко становилось.

Врач приказал Семену Михеичу рубить дрова для печки. Ему нравилось слушать звуки топора. Иногда ночью он вызывал денщика и приказывал гнать Семена Михеича рубить дрова.

— Почему русский не работает? Русский слишком много спит.

И Семен Михеич рубил в темноте дрова под окнами у немца. Он стал сумрачен, молчалив, по несколько дней иногда не произносил ни слова. И вздыхать перестал. Глядел молча, как каменный. Старуха со страхом поглядывала на него: не спятил ли старик?

Однажды ночью он сказал ей:

— Знаешь, Филипповна, зверь сожрет, что ему надо, корову зарежет, улей разорит, — это бог с ним. А эти душу мою заплевали. Звери души не трогают.

Я думал, не люди они. А теперь вижу: и не звери. Хуже диких зверей.

— Ты помолись богу, легче будет, — сказала ему Филипповна.

— Нет, — сказал старик, — не будет легче.

... Темная туча страдания и позора нависла над селом. Казалось, пришел конец жизни, перестало солнце светить, нечем было дышать. Страшнее голода, страшнее холодных ночей в погребах и землянках, страшнее всего были душевные унижения.

Что происходило в эти дни в душе старого пасечника? Молча вставал он, когда «арцту» хотелось слышать ночью звуки топора, надевал шапку и шел рубить дрова. Гулко ударял топор по мерзлым поленьям. Иногда старик распрямлялся, чтобы передохнуть. Тогда к окну подходил дивизионный врач и поглядывал, почему не стучит топор. Через мгновение выскакивал из сеней денщик и испуганным голосом кричал:

— Рус, рубай, рубай, рус!

Как-то денщик, оживленный, шепнул старику:

— Генерал капут. Летел фронт. Рус та-та-та. Капут генерал.

Так и не дождались на этот раз немцы своего генерала.

Потом приехал из Харькова мешочник**. Он рассказывал о ценах на махорку, хлеб, горох, о сыпном тифе у немецких солдат и, склонившись к самому уху старика, тихо проговорил:

— Листовки есть и по радио слышал: идут красные обратно. Уже тридцать городов у немцев отбили. Скоро сюда придут.

Старик выслушал новости, пошел в погреб и, выкопав из земли банку меду, принес ее мешочнику:

— Возьми за добрые вести.

А однажды вечером прибежал денщик «арцта» и стал поспешно укладывать вещи.

— Цурюк, цурюк, — объяснял он и замахал руками в сторону Полтавы.

Пришли связисты и быстро сняли телефон. Стрельбы не было слышно, но немцы собирались, точно под огнем. Бегали по улице с полными руками вещей, падали в снег, кричали. А нескольких денщиков бабы видели плачущими. Они задыхались. Замерзшие пальцы не удерживали тяжелых офицерских чемоданов. Едва дойдя до

околицы деревни, они уже выбились из сил, а идти надо было пешком, степью. Машины стояли в снегу, без горючего, на санках уехали офицеры.

Старики, бывшие еще в первую германскую войну ратниками ополчения, объясняли бабам:

— Не иначе как наши зашли герману с тыла. . .

Ночью штаб дивизии ушел, и деревню заняли автоматчики. Заросшие рыжими и черными бородами, с облезшей шкурой на носгах, со щеками, припеченными морозом, они разговаривали лающим языком и, выходя на улицу, пускали в воздух очереди из автоматов. Ночью приставали они к девчатам и молодым бабам.

На рассвете начался бой. Старики и бабы полезли в погреб. Оттуда слышны были пулеметные очереди. Ухали разрывы снарядов. Бабы вскрикивали, дети плакали, а старики степенно говорили:

— Ну, нечего гомонить. Это наши бьют из трехдюймовки.

А Семен Михеич сидел в погребе на опрокинутом ведре и думал.

— Что, Михеич? — спросил его старик Кондрат, имевший «георгин» еще за японскую войну. — Пришлось и тебе, тихому, бой послушать.

Михеич не ответил.

Бой разгорался. Стало греметь так, что бабы закрывали детей платками. И вдруг невдалеке послышался чей-то неясный голос.

— Наши, наши! — крикнула Галя Якименко. — Кто со мной пойдет?

— Я пойду, — отозвался Семен Михеич.

Она вылезла из погреба. Уже вечерело. Огромное солнце садилось в розовый от пожаров снег. Среди двора стоял красноармеец с винтовкой.

— Добрые люди, — сказал тихо он, — помогите, ранен я.

— Голубь мой родной! — крикнула Галя и бросилась к раненому. Она обняла его и торопливо повела к хате. Семен Михеич шел поодаль.

— Кровь вы свою за нас проливаете, голубчики наши! — говорила женщина. — Сейчас уложим тебя, обогреем.

Со стороны колодца послышалась стрельба. К дому подбежал немец-автоматчик. Он увидел раненого красноармейца и обнимающую его женщину и с ходу выстрелил. Боец вдруг отяжелел, начал опускаться на землю и выскользнул из рук пытавшейся удержать его женщины. Немец снова выстрелил. Галя Якименко повалилась на землю.

Семен Михеич не помнил, как очутилась в его руках тяжелая дубина. Никогда в жизни он не испытывал чувства, подобного этому. Гнев, грозный и жаркий гнев, очищающий от страшных унижений последних месяцев, гнев за себя, за других, за тысячи тысяч стариков, детей, девчат, женщин, гнев за поруганную врагом землю охватил его, как пламя. Он высоко занес над головой дубину и пошел на немца. Он шел, высокий, величественный старик пасечник с белоснежными кудрями, — живое воплощение Великой Отечественной войны.

— Халы! — крикнул немец и вскинул автомат. Но старик со страшной силой обрушил на него удар дубины.

В это время появились во дворе бойцы. Впереди всех бежал человек в черном кожухе, с гранатой в руке. Это был Прокофий, председатель колхоза. Он увидел страшную и грозную картину: тела убитых у дверей хаты, лежащего у порога немца и ярко освещенного пламенем тихого пасечника с дубиной в руке.

с. Лозовенька, Харьковской области. 1942

*«Арцт» - с нем. «врач, доктор»

**Мешочник — человек, занимавшийся скупкой, перевозкой вручную и продажей каких-нибудь товаров.

ИЛИ

Вариант 2. Прочитайте стихотворение М. Румянцевой «Баллада о седых» и напишите отзыв об этом произведении. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Майя Румянцева

Баллада о седых

Говорят, нынче в моде седые волосы,
И «седеет» бездумно молодость.
И девчонка лет двадцати
Может гордо седою пройти.
Но какому кощунству в угоду,
И кому это ставить в вину.
Как нельзя вводить горе в моду,
Так нельзя вводить седину.

Память, стой, замри! Это надо.
То из жизни моей — не из книжки...
Из блокадного Ленинграда
Привезли седого мальчишку.
Я смотрела на чуб с перламутром
И в глаза его очень взрослые.
Среди нас он был самым мудрым,
Поседевший от горя подросток.

А ещё я помню солдата.
Он был контужен взрывом гранаты.
И оглох... И навек онемел...
Вот тогда, говорят, поседел.
О, седая и мудрая старость.
О, седины неравных боёв.
Сколько людям седин досталось
От неотданных городов.
А от тех, что пришлось отдать —
Поседевших не сосчитать.

Говорят, нынче в моде седИны...
Нет, не мода была тогда:
В городах седые дымины,
И седая в селе лебеда.
И седые бабы-вдовицы,
И глаза, седые от слёз,
И от пепла седые лица
Над холмом поседевших берёз.

Пусть сейчас не война... Не война...
Но от горя растёт седина.
... Эх ты, модница, злая молодость.
Над улыбкой седая прядь...
Это даже похоже на подлость...
За полтинник седою стать.
... Я не против дерзости в моде,
Я за то, чтобы модною слыть.
Но седины, как славу, как орден,
Надо, выстрадав, заслужить!

Задание 2. Творческое задание.

Представьте, что вы приехали в незнакомый город. Как найти гостиницу, кафе и т.д.? Какие достопримечательности нужно обязательно посмотреть? Вот здесь и поможет волшебная палочка туриста — путеводитель. Это книжка, брошюрка или интернет-издание, которое помогает путешественникам ориентироваться в незнакомом месте или заранее подготовиться к путешествию.

Создайте путеводитель по вымышленному городу, населенному героями произведений А.С. Пушкина. Дайте название этому городу. Продумайте, какие герои проживают там, какие достопримечательности их окружают, какие опасности могут подстергать путешественников. Разработайте возможный маршрут, предложите, где они могут поесть и остановиться на ночлег. Какие сувениры в память о поездке путешественники могут привезти домой?

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Максимальный балл – 30.

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
9 класс

Задание 1. Аналитическое задание. Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Максимальный балл – 70.

Антонина Малышева

Кукла и жёлтый заяц

Сейчас я сам уже давно дедушка, а когда случилась вся эта история с бабушкой, куклой и жёлтым зайцем, я был маленьким мальчиком.

Однажды в выходной мы возвращались с родителями на трамвае из парка, и я спросил:

– Пап, пап, а какая у тебя любимая игрушка была в детстве?

– Помню, я всё солдатиками увлекался, – сказал папа. Я повернулся к маме.

– Мам, мам! А у тебя?

Мама долго молчала.

– Помню, у меня было две игрушки, я все сажала их рядом. Одна кукла, кажется, с косичками... Её звали Зина. И заяц такой необычный, почему-то жёлтый. Я вот очень его любила.

Я увидел, что папа странно смотрит на маму – не отрываясь.

– Это в детдоме? – спросил он. Мама покачала головой:

– Нет, откуда в детдоме. Это до войны. Это я помню. Я их сажала в мамины туфли... Какая-то у меня игра была.

Папа откинулся на спинку сиденья и длинно выпустил воздух. Я сказал:

– А у Сёмки дедушка приехал на месяц.

– Угу, – ответила мама.

– А я Сёмке сказал, что папины родители в Ташкенте, а твоих на войне убили, – сказал я.

– Может быть, – мама смотрела на огоньки за окном. – Я точно не помню.

Этого я не ожидал. Я-то считал, что у всех детдомовских родители погибли на войне. Папа сказал:

– А я думал, ты совсем ничего не помнишь.

– Это и есть ничего, – мама грустно улыбнулась. – Какие-то куклы. Какой-то поезд. Вокзал, где я потерялась. Вот и всё.

– Слушай, давай напишем на радио, – встрепенулся папа, – может быть, остался кто-то из твоих родных!

– Не хочу я никого искать! – мама вскочила и пошла к выходу, мы с папой – за ней. – Только зря переживать. И радио у нас не работает. И не чини, всё равно слушать не буду.

Но папа починил репродуктор, и с тех пор мы всегда слушали передачу: «Разыскивает брата и сестру Петров Николай...» Их, разыскивающих, было так много!

Я очень просил маму написать на радио письмо про куклу и зайца, но она только сердилась. А сам шел к радио каждый раз, заслышав эти объявления. Я мечтал, что найдется бабушка и будет жить с нами. Почему-то я представлял себе её точно такой, как баба Нина из Ташкента, только с причёской, как у мамы.

И вот как-то раз я пришел домой, а мама стоит растерянная посреди комнаты, и в руках у неё – телеграмма. И спрашивает меня:

– Толик, хочешь в Ленинград поехать?

– А что такое? – удивился я.

– Да вот одна женщина пишет... Ну, словом... Хочет проверить, не я ли её дочь.

Я от радости просто заорал! Оказывается, она все-таки отправила письмо в передачу. А мне ничего не сказала, и я даже не услышал, как его прочитали по радио! Но мамина мама-то услышала, и вот – зовет её в Ленинград немедленно телеграммой.

Папа нас снарядил ехать в ближайшие выходные. Я тайком взял с собой свою губную гармошку, чтобы бабушке показать, как я играю. Ей должно было понравиться.

Но мне бабушка не понравилась с самого начала. Она встретила нас в квартире, в длинном тёмном коридоре. Она была грузная и опиралась на палку. Она ковыляла впереди, а мы шли следом, и, зайдя в комнату, она взяла меня пальцами за подбородок, повернула к свету и сказала:

– Так-с.

И я почему-то сразу понял, что это не моя бабушка.

...Оказывается, не так-то просто найти себя, если помнишь только зайца с куклой да какие-то туфли. Я представлял, что будут плакать и

целоваться, но все вышло не так. До поздней ночи мама и не наша ленинградская бабушка сидели за столом с плюшевой скатертью. Бабушка нацепила толстые очки. Она показывала маме фотографии и выжидающе смотрела на неё, а мама качала головой.

– Тётя Фира. Помнишь? – спрашивала бабушка. – Платье у тебя синее было. Помнишь?

– «А не было ли у вас случайно, – робко спрашивала мама, – туфель с такими круглыми пряжками?»

Но у неё не было туфель. У неё была дочка, которая пропала в войну, и оказалось, что это не мама.

У ленинградской бабушки противно пахло в комнате, и она подарила нам банку варенья, от которой всё время шёл этот кислый и толстый небабушкин запах. Она была хорошая, наверное, и пожелала маме найтись. А я даже не вспомнил в Ленинграде про свою губную гармошку. Мы вернулись домой и совсем не обсуждали это.

Но письма всё шли и шли. Мама читала их ходила по дому хмурая. Потом аккуратно отвечала что-то. В некоторые письма я заглянул без спроса. Там было всё одно и то же: «к сожалению, у нас кукол вовсе не было, но не помните ли вы случайно брата Егора?» «Всё думаю про ваше письмо, мы потеряли на вокзале девочку, которую, правда, звали Надя, а не Леночка, но фамилия тоже Бездумова...» Только это была ерунда, потому что фамилию маме придумали в детском доме. Но со всей страны ей писали небабушки и недедушки, дяди, тети. Весь двор знал нашу историю, и ребята бежали навстречу незнакомым старушкам: «Вы не в одиннадцатую квартиру? Показать?»

Но пришла осень, письма становились всё реже. Ребятам надоело ждать мамину маму, а мы уже не слушали передачу с таким вниманием. Как-то раз я вынул из почтового ящика и принёс маме всего одно письмо. Она прочитала и нахмурилась: опять не то.

– Не стоило и начинать? – спросил я. Однажды папа так говорил. Мама улыбнулась:

– Почему же не стоило? Вон сколько хороших людей нам написало. Да?

Я кивнул, но мне расхотелось об этом говорить. Я вышел на лестницу и долго, долго играл там на губной гармошке.

– Здорово играешь! – сказали снизу. Я выглянул через перила и увидел женщину в зелёном берете и рыжем клетчатом пальто, с саквояжем. Она так улыббалась, я даже не сразу понял, что она не очень-то молодая женщина. Бабушка.

– Вам в одиннадцатую квартиру? – спросил я, и был уже уверен, что она ответит «да». – Пойдёмте, только, знаете, нам много уже писали. Это, скорее всего, не вы. То есть не она.

– А вдруг все-таки я? – тихо спросила она и заглянула мне в лицо.

Мы зашли в квартиру, и пока я объяснял маме, что вот, ещё одна гражданка пришла по объявлению, наша гостья поставила на столик свой саквояж. И достала из него одного за другим – куклу Зину с косичками и жёлтого зайца.

Булат Окуджава

Полночный троллейбус

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
в случайный.

Полночный троллейбус, по улице мчи,
верши по бульварам кружение,
чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
крушение,
крушение.

Полночный троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь
твои пассажиры – матросы твои –
приходят
на помощь.

Я с ними не раз уходил от беды,
я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе, доброты
в молчанье,
в молчанье.

Полночный троллейбус плывет по Москве,
Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчонком стучала в виске,

стихает,
стихает.

Задание 2. Творческое задание.

Читая художественные произведения, мы часто представляем себя на месте того или иного героя, можем описать его внешность, оценить его поступки, а порой и поспорить с героем о нужности каких-либо действий.

Представьте, что вы получили возможность на один день стать персонажем комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Выберите любого героя и опишите **от его имени**, какими собственными качествами и поступками гордится герой. Подумайте над вопросами и расскажите от имени героя: Какие события этого дня вы хотели бы пережить вместе с ним? Как бы вы изменили (или не изменили) его поступки и решения? Какие мысли и чувства вы бы испытали, оказавшись на его месте? Сфокусируйтесь на конкретном эпизоде произведения. Постарайтесь максимально погрузиться в эпоху и обстоятельства. Проявите собственное видение характера героя.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Максимальный бал – 30

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
10 класс

Задание 1. Аналитическое задание. Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Максимальный балл – 70.

Юрий Казаков

На полустанке

Была пасмурная холодная осень. Низкое бревенчатое здание небольшой станции почернело от дождей. Второй день дул резкий северный ветер, свистел в чердачном окне, гудел в станционном колоколе, сильно раскачивал голые сучья берез.

У сломанной коновязи, низко свесив голову, расставив оплывшие ноги, стояла лошадь. Ветер откидывал у ней хвост на сторону, шевелил гривой, сеном на телеге дергал за поводья. Но лошадь не поднимала головы и не открывала глаз: должно быть, думала о чем-то тяжелом или дремала.

Возле телеги на чемодане сидел вихрастый рябой парень в кожаном пальто, с грубым, тяжелым и плоским лицом. Он частыми затяжками курил дешевую папиросу, сплевывал, поглаживал подбородок красной короткопалой рукой, угрюмо смотрел в землю.

Рядом с ним стояла девушка с припухшими глазам и выбившейся из-под платка прядью волос. В лице ее, бледном и усталом, не было уже ни надежды, ни желания; оно казалось холодным, равнодушным. И только в тоскующих темных глазах ее притаилось что-то болезненно-невысказанное. Она терпеливо переступала короткими ногами в грязных ботиках, старалась стать спиной к ветру, не отрываясь смотрела на белое хрящеватое ухо парня.

Со слабым шорохом катились по перрону листья, собирались в кучи, шептались тоскливо о чем-то своем, потом, разгоняемые ветром, снова крутились по сырой земле, попадали в лужи и, прижавшись к воде, затихали. Кругом было сыро и зябко...

— Вот оно, жизнь-то как повернулась, а? — заговорил вдруг парень и усмехнулся одними губами. — Теперь мое дело — порядок. Чего мне теперь в колхозе? Дом? Дом пускай матери с сестрой достается, не жалко Я в область явлюсь, сейчас мне тренера дадут, опять же квартиру... Штангисты-

то у нас какие? На соревнованиях был, видал: самолучшие еле на первый разряд идут. А я вон норму мастера жиманул запросто! Чувешь?

— А я как же? — тихо спросила девушка.

— Ты-то? — парень покосился на нее, кашлянул. — Говорено было. Дай огляжусь — приеду. Мне сейчас некогда... Мне на рекорды давить надо. В Москву еще поеду, я им там дам жизни. Мне вот одного жалко: не знал я этой механики раньше. А то бы давно... Как они там живут? Тренируются... А у меня сила нутряная, ты погоди маленько, я их там всех вместе поприжму. Заграницу ездить буду, житуха начнется — дай бог! Н-да... А к тебе — приеду... Я потом это... напишу.

Вдали послышался слабый, неясный шум поезда; унылую тишину хмурого дня прорезал тонкий, тягучий гудок; дверь станции хлопнула, на перрон, прячась в воротник шинели, вышел начальник станции с заспанным лицом, в красной фуражке с темными пятнами мазута.

Он покосился на одиноких пассажиров, вытащил папиросу, помял ее в пальцах, понюхал и, посмотрев на небо, спрятал в карман. Потом, зевнув, сипло спросил: — Какой вагон?

Парень тяжело повернул голову на короткой толстой шее, посмотрел на новые калоши начальника станции, полез за билетом.

— Девятый. А что?

— Ну-ну... — пробормотал начальник и снова зевнул. — Девятый, говоришь? Так... Девятый. А погода — сволочь. Ох-хо-хо...

Отвернулся и, обходя лужи, побрел к багажному отделению. Поезд показался из-за леса, быстро приблизился, сбавляя ход, прокричал еще раз, устало и тонко. Парень поднялся, бросил папиросу, посмотрел на девушку: та силилась улыбнуться, но губы не слушались, тряслись.

— А ну, хватит! — проворчал парень, нагибаясь за чемоданом. — Слыхала? Хватит, я говорю!

Они медленно пошли по перрону навстречу поезду. Девушка жадно заглядывала парню в лицо, держалась за рукав, говорила, путаясь и торопясь:

— Ты там берегись, слишком-то не подымай... А то жила какая-нибудь лопнет... О себе подумай, не надрывайся... Я ждать буду! В газетах про тебя искать буду... Ты обо мне не мечтай. Так я это, люблю тебя, вот и плачу, думаю...

— А ну, брось! — повторил парень. — Сказано — приеду...

Мимо них, сотрясая землю, прошел паровоз, обдав их теплом и влажным паром. Потом все медленней и медленней пошли усталые вагоны: один, другой, третий...

— Вон девятый! — быстро сказала девушка. — Подождем!

Вагон мягко остановился возле них. В тамбуре толпились измятые бледные пассажиры, с любопытством выглядывали наружу. За окном стоял толстый небритый человек в полосатой пижаме и, наморщив маленький пухлый лобик, ожесточенно дергал раму. Рама не поддавалась, и пассажир страдальчески морщился. Наконец ему удалось открыть окно, он сейчас же высунулся, оглядывая полустанок с близорукой улыбкой, увидел девушку, еще шире улыбнулся и слабо закричал:

— Девушка, это какая станция?

— Лунданка, — сипло сказал проводник.

— Базар есть? — спросил человек в пижаме, по-прежнему глядя на девушку.

— Нету базара, — опять отозвался проводник. — Две минуты стоим.

— Как же так? — изумился пассажир, все еще глядя на девушку.

— Закройте окно! — попросили из вагона капризным голосом.

Человек в пижаме завертелся, показывая пухлую спину, потом, жалко улыбаясь, закрыл окно и вдруг исчез, будто провалился.

Парень поставил чемодан на подножку вагона, повернулся к девушке.

— Ну, прощай, что ли, — тяжело проговорил он и сунул руки в карманы.

У девушки поползли по щекам слезы. Она всхлипнула, уткнулась лицом парню в плечо.

— Скучно мне будет, — шептала она. — Пиши почаще-то... Слышишь? Пиши-и... Ведь приедешь?

— Сказано уже, — неохотно и испуганно говорил парень. — Оботри слезы-то... Ну!

— Да я ничего, — шептала девушка, задыхаясь, быстро, по-беличьи отирая слезы и влюбленно глядя в лицо парню. — Одна я остаюсь. Помни, о чем говорили-то...

— Я помню, мне что! — хмуро бормотал парень, задирая голову и поводя глазами.

— А мне... Я всю жизнь для тебя... Ты знай это!

— Сказано... — бубнил парень, равнодушно глядя себе под ноги.

Два раза надтреснуто, жидко ударил колокол.

— Гражданин, попрошу в вагон, останетесь... — сказал проводник и первым полез торопливо на площадку. Девушка побледнела, схватилась рукою за рот.

— Вася! — закричала она и невидящим взглядом посмотрела на пассажиров, те сразу отвернулись. — Вася! По... по-целуй же меня...

— Мне что... — пробормотал парень, затравленно покосился назад и нагнулся к девушке. Потом выпрямился, словно кончил тяжелую работу,

вскочил на подножку. Девушка тихо ахнула, закусил прыгающую губу, закрыла лицо руками, но тотчас отняла руки...

Под вагонами зашипело, сдавленно крикнул впереди паровоз, и так же сдавленно отозвалось из леса короткое глухое эхо. Вагоны едва уловимо тронулись. Заскрипели шпалы. Парень стоял на подножке, хмуро смотрел на девушку, потом покраснел и негромко крикнул:

— Слышь... Не приеду я больше! Слышь...

Он оскалился, сильно втянул в себя воздух, сказал еще что-то непонятное, злое и, взяв с подножки чемодан, боком полез в тамбур.

Девушка сразу как-то согнулась, опустила голову... Мимо нее мелькали вагоны, глухо дышали шпалы, что-то поскрипывало, попискивало, а она пристально, не мигая смотрела на радужное пятно мазута на рельсе, скрывавшееся на мгновение под колесами и снова показывающееся, смотрела задумчиво, робко, незаметно для себя все ближе подвигаясь к этому пятну, будто манило, притягивало оно ее. Она напрягалась, прижимала руку нестерпимо болевшему сердцу, робкие, почти еще детские губы ее все белели...

— Берегись! — раздался вдруг дикий крик над ее головой.

Девушка вздрогнула, моргнула, радужное пятно посветлело, поскрипывание шпал и стук колес прекратились, и, подняв голову, она увидела, что последний вагон с круглым красным щитком на буфере неслышно, как по воздуху, уплывает все дальше и дальше. Тогда она подняла голову, стянула на лицо платок и завывала по бабьи, качаясь, будто пьяная:

— Уеха-а-ал!..

Поезд быстро скрылся за ближним лесом. Стало тихо... Шаркая по земле ногами, подошел начальник станции, остановился за спиной у девушки, зевнул.

— Уехал? — спросил он. — Н-да... Нынче все едут.

Окинул взглядом фигуру девушки, долго смотрел на грязные ботинки, спросил негромко и равнодушно:

— Вы не из «Красного маяка» будете? А? Н-да... Вот оно что... А погода-то — сволочь. Факт!

И ушел, волоча ноги, старательно обходя лужи.

Девушка долго еще стояла на пустой платформе, смотрела прямо перед собой и ничего не видела: ни темного мокрого леса, ни тускло блестевших рельсов, ни бурой никлой травы... Видела она рябое и грубое лицо парня.

Наконец вздохнула, вытерла мокрое лицо, пошла к лошади. Отвязала лошадь, поправила шлею, перевернула сено, оскользнувшись, забралась на телегу, тронула вожжи. Лошадь подалась назад, вяло махнула хвостом, сама

завернула, с трудом переставляя ноги, и пошла мимо палисадника, мимо стогов сена и сложенных крест-накрест шпал к проселочной дороге.

Девушка сидела не шевелясь, глядя поверх дуги, потом в последний раз оглянулась на полустанок и легла в телеге ничком.

Наум Моисеевич Коржавин

Лёгкость

(За книгой Пушкина)

Все это так:

неправда,

зло,

забвенье...

Конец его друзей (его конец).

И столько есть безрадостных сердец,

А мы живем всего одно мгновение.

Он каждый раз об это разбивался:

Взрывался... бунтовал... И — понимал.

И был он легким.

Будто лишь касался,

Как будто все не открывал, —

а знал.

А что он знал?

Что снег блестит в оконце.

Что вьюга вост. Дева сладко спит.

Что в пасмурные дни есть тоже солнце.

Оно за тучей

греет и горит.

Что есть тоска,

но есть простор для страсти,

Стихи

и уцелевшие друзья,

Что не теперь, так после будет счастье,
Хоть нам с тобой надеяться нельзя.
Да! Жизнь — мгновенье,
и она же — вечность.
Она уйдет в века, а ты — умрешь,
И надо сразу жить —
и в бесконечном,
И просто в том,
в чем ты сейчас живешь.

Он пил вино и видел свет далекий.
В глазах туман, а даль ясна... ясна...
Легко-легко... Та пушкинская легкость,
В которой тяжесть
преодолена.

1949 год.

Задание 2. Творческое задание.

Читая художественные произведения, мы часто представляем себя на месте того или иного героя, можем описать его внешность, оценить его поступки, а порой и поспорить с героем о нужности каких-либо действий.

Представьте, что вы получили возможность на один день стать персонажем романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Выберите любого героя и опишите **от его имени**, какими собственными качествами и поступками гордится герой.

Подумайте над вопросами и расскажите от имени героя: Какие события этого дня вы хотели бы пережить вместе с ним? Как бы вы изменили (или не изменили) его поступки и решения? Какие мысли и чувства вы бы испытали, оказавшись на его месте? Сфокусируйтесь на конкретном эпизоде произведения. Постарайтесь максимально погрузиться в эпоху и обстоятельства. Проявите собственное видение характера героя.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Максимальный балл – 30.

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
11 класс

Задание 1. Аналитическое задание. Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Максимальный балл – 70.

Рэй Брэдбери

Будет ласковый дождь

В гостиной говорящие часы настойчиво пели: *тик-так, семь часов, семь утра, вставать пора!* – словно боясь, что их никто не слушает. Объятый утренней тишиной дом был пуст. Часы продолжали тикать и твердили, твердили свое в пустоту: *девять минут восьмого, к завтраку все готово, девять минут восьмого!*

На кухне печь сипло вздохнула и исторгла из своего жаркого чрева восемь безупречно поджаренных тостов, четыре глазуньи, шестнадцать ломтиков бекона, две чашки кофе и два стакана холодного молока.

– Сегодня в городе Эллендейле, штат Калифорния, четвертое августа две тысячи двадцать шестого года, – произнес другой голос, с потолка кухни. Он повторил число трижды, чтобы лучше запомнили. – Сегодня день рождения мистера Фезерстоуна. Годовщина свадьбы Тилиты. Подошел срок страхового взноса, пора платить за воду, газ, свет.

Где-то в стенах щелкали реле, перед электрическими глазами скользили ленты-памятки.

Восемь одна, тик-так, восемь одна, в школу пора, на работу пора, живо, живо, восемь одна! Но не хлопали двери, и не слышалось мягкой поступи резиновых каблучков по коврам.

На улице шел дождь. Метеокоробка на наружной двери тихо пела: «Дождик, дождик целый день, плащ, галоши ты надень...» Дождь гулко барабанил по крыше пустого дома.

Во дворе зазвонил гараж, поднимая дверь, за которой стояла готовая к выезду автомашина... Минута, другая – дверь опустилась на место.

В восемь тридцать яичница сморщилась, а тосты стали каменными. Алюминиевая лопаточка сбросила их в раковину, оттуда струя горячей воды увлекла их в металлическую горловину, которая все растворяла и отправляла

через канализацию в далекое море. Грязные тарелки нырнули в горячую мойку и вынырнули из нее, сверкая сухим блеском.

Девять пятнадцать, – пропели часы, – *пора уборкой заняться*.

Из нор в стене высыпали крохотные роботы-мыши. Во всех помещениях кишели маленькие суетливые уборщики из металла и резины. Они стукались о кресла, вертели своими щетинистыми роликами, ерошили ковровый ворс, тихо высасывая скрытые пылинки. Затем исчезли, словно неведомые пришельцы, юркнули в свои убежища. Их розовые электрические глазки потухли. Дом был чист.

Десять часов. Выглянуло солнце, тесня завесу дождя. Дом стоял одиноко среди развалин и пепла. Во всем городе он один уцелел. Ночами разрушенный город излучал радиоактивное сияние, видимое на много миль вокруг.

Десять пятнадцать. Распылители в саду извергли золотистые фонтаны, наполнив ласковый утренний воздух волнами сверкающих водяных бусинок. Вода струилась по оконным стеклам, стекала по обугленной западной стене, на которой белая краска начисто выгорела. Вся западная стена была черной, кроме пяти небольших клочков. Вот краска обозначила фигуру мужчины, катящего травяную косилку. А вот, точно на фотографии, женщина нагнулась за цветком. Дальше – еще силуэты, выжженные на дереве в одно титаническое мгновение... Мальчишка вскинул вверх руки, над ним застыл контур подброшенного мяча; напротив мальчишки – девочка, ее руки подняты, ловят мяч, который так и не опустился.

Только пять пятен краски – мужчина, женщина, дети, мяч. Все остальное – тонкий слой древесного угля.

Тихий дождь из распылителя наполнил сад падающими искрами света...

Как надежно оберегал дом свой покой вплоть до этого дня! Как бдительно он спрашивал: «Кто там? Пароль?» И, не получая нужного ответа от одиноких лис и жалобно мяукающих котов, затворял окна и опускал шторы с одержимостью старой девы. Самосохранение, граничащее с психозом, – если у механизмов может быть паранойя.

Этот дом вздрагивал от каждого звука. Стоило воробью задеть окно крылом, как тотчас громко щелкала штора и перепуганная птица летела прочь. Никто – даже воробей – не смел прикасаться к дому!

Дом был алтарем с десятью тысячами священнослужителей и прислужников, больших и маленьких, они служили, и прислуживали, и хором пели славу. Но боги исчезли, и ритуал продолжался без смысла и без толку.

Двенадцать.

У парадного крыльца заскулил продрогший пес.

Дверь сразу узнала собачий голос и отворилась. Пес, некогда здоровенный, сытый, а теперь кожа да кости, весь в парше, вбежал в дом, печатая грязные следы. За ним сустились сердитые мыши – сердитые, что их потревожили, что надо снова убирать!

Ведь стоило малейшей пылинке проникнуть внутрь сквозь щель под дверь, как стенные панели мигом приподнимались, и оттуда выскакивали металлические уборщики. Дерзновенный клочок бумаги, пылинка или волосок исчезали в стенах, пойманные крохотными стальными челюстями. Оттуда по трубам мусор спускался в подвал, в гудящее чрево мусоросжигателя, который злобным Ваалом притаился в темном углу.

Пес побежал наверх, истерически лая перед каждой дверью, пока не понял – как это уже давно понял дом, – что никого нет, есть только мертвая тишина.

Он принялся и поскреб кухонную дверь, потом лег возле нее, продолжая нюхать. Там, за дверью, плита пекла блины, от которых по всему дому шли сытный дух и заманчивый запах кленовой патоки.

Собачья пасть наполнилась пеной, в глазах вспыхнуло пламя. Пес вскочил, заметался, кусая себя за хвост, бешено завертелся и сдох. Почти час пролежал он в гостиной.

Два часа, – пропел голос.

Учуяв наконец едва приметный запах разложения, из нор с жужжанием выпорхнули полчища мышей, легко и стремительно, словно сухие листья, гонимые электрическим веером.

Два пятнадцать.

Пес исчез.

Мусорная печь в подвале внезапно засветилась пламенем, и через дымоход вихрем промчался сноп искр.

Два тридцать пять.

Из стен внутреннего дворика выскочили карточные столы. Игральные карты, мелькая очками, разлетелись по местам. На дубовом прилавке появились коктейли и сэндвичи с яйцом. Заиграла музыка.

Но столы хранили молчание, и никто не брал карт.

В четыре часа столы сложились, словно огромные бабочки, и вновь ушли в стены.

Половина пятого.

Стены детской комнаты засветились. На них возникли животные: желтые жирафы, голубые львы, розовые антилопы, лиловые пантеры

прыгали в хрустальной толще. Стены были стеклянные, восприимчивые к краскам и игре воображения. Скрытые киноленты заскользили по зубцам с бобины на бобину, и стены ожили. Пол детской колыхался, напоминая волнуемое ветром поле, и по нему бегали алюминиевые тараканы и железные сверчки, а в жарком неподвижном воздухе, в остром запахе звериных следов, порхали бабочки из тончайшей розовой ткани! Слышался звук, как от огромного, копошащегося в черной пустоте кузнечных мехов роя пчел, – ленивое урчание сытого льва. Слышался цокот копыт окапи и шум освежающего лесного дождя, шуршащего по хрупким стеблям жухлой травы. Вот стены растаяли, растворились в необозримых просторах опаленных солнцем лугов и бездонного жаркого неба. Животные рассеялись по колючим зарослям и водоемам.

Время детской передачи.

Пять часов. Ванна наполнилась прозрачной горячей водой.

Шесть, семь, восемь часов. Блюда с обедом проделали удивительные фокусы, потом что-то щелкнуло в кабинете, и на металлическом штативе возле камина, в котором разгорелось уютное пламя, вдруг возникла курящаяся сигара с шапочкой мягкого серого пепла.

Девять часов. Невидимые провода согрели простыни – здесь было холодно по ночам.

Девять ноль пять. В кабинете с потолка донесся голос:

– Миссис Маклеллан, какое стихотворение хотели бы вы услышать сегодня?

Дом молчал.

Наконец голос сказал:

– Поскольку вы не выразили никакого желания, я выберу что-нибудь наудачу.

Зазвучал тихий музыкальный аккомпанемент.

– Сара Тисдейл. Ваше любимое, если не ошибаюсь...

Будет ласковый дождь, будет запах земли,

Щебет юрких стрижей от зари до зари,

И ночные рулады лягушек в прудах.

И цветение слив в белопенных садах.

Огнегрудый комочек слетит на забор,

И малиновки трель выткет звонкий узор,

И никто, и никто не вспомнит войну:

Пережито-забыто, ворошить ни к чему.

И ни птица, ни ива слезы не прольет,

Если сгинет с Земли человеческий род.
И весна... и весна встретит новый рассвет,
Не заметив, что нас уже нет.

В камине трепетало, угасая, пламя, сигара осыпалась кучкой немого пепла. Между безмолвных стен стояли одно против другого пустые кресла, играла музыка.

В десять часов наступила агония.

Подул ветер. Сломанный сук, падая с дерева, высадил кухонное окно. Бутылка пятновыводителя разбилась вдребезги о плиту. Миг – и вся кухня охвачена огнем!

– Пожар! – послышался крик. Лампы замигали, с потолков, нагнетаемые насосами, хлынули струи воды. Но горючая жидкость растекалась по линолеуму, она просочилась, нырнула под дверь, и уже целый хор подхватил:
– Пожар! Пожар! Пожар!

Дом старался выстоять. Двери плотно затворились, но оконные стекла полопались от жара, и ветер раздувал огонь.

Под натиском огня, десятков миллиардов сердитых искр, которые с яростной бесцеремонностью летели из комнаты в комнату и неслись вверх по лестнице, дом начал отступать.

Еще из стен, семена, выбегали суетливые водяные крысы, выпаливали струи воды и возвращались за новым запасом. И стенные распылители извергали каскады механического дождя. Поздно. Где-то с тяжелым вздохом, передернув плечами, замер насос. Прекратился дождь-огнеборец. Иссякла вода в запасном баке, который много-много дней питал ванны и посудомойки.

Огонь потрескивал, пожирая ступеньку за ступенькой. В верхних комнатах он, словно гурман, смаковал картины Пикассо и Матисса, слизывая маслянистую корочку и бережно скручивая холсты черной стружкой.

Он добрался до кроватей, вот уже скачет по подоконникам, перекрашивает портьеры!

Но тут появилось подкрепление.

Из чердачных люков вниз уставились незрячие лица роботов, изрыгая ртами-форсунками зеленые химикалии.

Огонь попятился: даже слон пятится при виде мертвой змеи. А тут по полу хлестало двадцать змей, умерщвляя огонь холодным, чистым ядом зеленой пены.

Но огонь был хитер: он послал языки пламени по наружной стене вверх, на чердак, где стояли насосы. Взрыв! Электронный мозг, управлявший насосами, бронзовой шрапнелью вонзился в балки.

Потом огонь метнулся назад и обошел все чуланы, щупая висящую там одежду.

Дом содрогнулся, стуча дубовыми костями, его оголенный скелет корчился от жара, сеть проводов – его нервы – обнажилась, словно некий хирург содрал с него кожу, чтобы красные вены и капилляры трепетали в раскаленном воздухе. Караул, караул! Пожар! Бегите, спасайтесь! Огонь крошил зеркала, как хрупкий зимний лед. А голоса причитали: «Пожар, пожар, бегите, спасайтесь!» Словно печальная детская песенка, которую в двенадцать голосов, кто громче, кто тише, пели умирающие дети, брошенные в глухом лесу. Но голоса умолкали один за другим по мере того, как лопалась, подобно жареным каштанам, изоляция на проводах. Два, три, четыре, пять голосов заглохли.

В детской комнате пламя объяло джунгли. Рычали голубые львы, скакали пурпурные жирафы. Пантеры метались по кругу, поминутно меняя окраску; десять миллионов животных, спасаясь от огня, бежали к кипящей реке вдали...

Еще десять голосов умерли. В последний миг сквозь гул огневой лавины можно было различить хор других, сбитых с толку голосов, еще объявлялось время, играла музыка, метались по газону телеуправляемые косилки, обезумевший зонт прыгал взад-вперед через порог наружной двери, которая непрерывно то затворялась, то открывалась, – одновременно происходила тысяча вещей, как в часовой мастерской, когда множество часов вразнобой лихорадочно отбивают время: то был безумный хаос, спаянный в некое единство; песни, крики, и последние мыши-мусорщики храбро выскакивали из нор – расчистить, убрать этот ужасный, отвратительный пепел! А один голос с полнейшим пренебрежением к происходящему декламировал стихи в пылающем кабинете, пока не сгорели все пленки, не расплавились провода, не рассыпались все схемы.

И наконец пламя взорвало дом, и он рухнул пластом, разметав каскады дыма и искр.

На кухне, за мгновение до того, как посыпались головни и горящие балки, плита с сумасшедшей скоростью готовила завтраки: десять десятков яиц, шесть батонов тостов, двести ломтей бекона – и все, все пожирал огонь, понуждая задыхающуюся печь истерически стряпать еще и еще!

Грохот. Чердак провалился в кухню и в гостиную, гостиная – в цокольный этаж, цокольный этаж – в подвал. Холодильники, кресла, ролики

с фильмами, кровати, электрические приборы – все рухнуло вниз обугленными скелетами.

Дым и тишина. Огромные клубы дыма.

На востоке медленно занимался рассвет. Только одна стена осталась стоять среди развалин. Из этой стены говорил последний одинокий голос, солнце уже осветило дымящиеся обломки, а он все твердил:

– Сегодня пятое августа две тысячи двадцать шестого года, сегодня пятое августа две тысячи двадцать шестого года, сегодня...

Иван Бунин

Вечер

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.

А счастье всюду. Может быть, оно —

Вот этот сад осенний за сараем

И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе легким белым краем

Встает, сияет облако. Давно

Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,

А счастье только знающим дано.

Окно открыто. Пискнула и села

На подоконник птичка. И от книг

Усталый взгляд я отвожу на миг.

День вечереет, небо опустело.

Гул молотилки слышен на гумне...

Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

1909 год.

Задание 2. Творческое задание.

Читая художественные произведения, мы часто представляем себя на месте того или иного героя, можем описать его внешность, оценить его поступки, а порой и поспорить с героем о нужности каких – либо действий.

Представьте, что вы получили возможность на один день стать персонажем пьесы М. Горького «На дне». Выберите любого героя и опишите **от его имени**, какими собственными качествами и поступками гордится герой. Подумайте над вопросами и расскажите от имени героя: Какие события этого дня вы хотели бы пережить вместе с ним?

Как бы вы изменили (или не изменили) его поступки и решения?
Какие мысли и чувства вы бы испытали, оказавшись на его месте?
Сфокусируйтесь на конкретном эпизоде произведения.
Постарайтесь максимально погрузиться в эпоху и обстоятельства.
Проявите собственное видение характера героя.
Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Максимальный бал – 30.

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

Муниципальный этап

Требования по организации и проведению муниципального этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе

Всероссийская олимпиада школьников по литературе проводится в целях выявления и развития у обучающихся творческих способностей и интереса к научной (научно-исследовательской) деятельности, пропаганды научных знаний.

Всероссийская олимпиада школьников (в том числе и муниципальный этап) проводится в соответствии с приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 27 ноября 2020 г. № 678 «Об утверждении Порядка проведения всероссийской олимпиады школьников».

Особенности муниципального этапа всероссийской олимпиады по литературе заключаются в том, что муниципальный этап объединяет более подготовленных, по сравнению со школьным этапом, участников.

Типология заданий. В 2025–2026 учебном году в соответствии с федеральными рекомендациями для выполнения на муниципальном этапе всероссийской олимпиады школьников по литературе будут предложены типы заданий, аналогичные прошлогодним:

7 класс – аналитическое задание (отзыв о прозаическом или поэтическом произведении (по выбору учащегося) и творческое задание;

8 класс – аналитическое задание (отзыв о прозаическом или поэтическом произведении (по выбору учащегося) и творческое задание;

9 класс – аналитическое задание (целостный анализ одного прозаического или одного поэтического текста) и творческое задание;

10 класс – аналитическое задание (целостный анализ одного прозаического или одного поэтического текста) и творческое задание;

11 класс – аналитическое задание (целостный анализ одного прозаического или одного поэтического текста) и творческое задание.

Система оценивания заданий муниципального этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе в Архангельской области в 2025–2026 учебном году будет осуществляться в соответствии с подходами, предложенными центральной предметно-методической комиссией. В этой связи подчёркиваем, что система и методика оценивания олимпиадных заданий должна позволять объективно выявить реальный уровень подготовки участников олимпиады.

В рекомендациях центральной предметно-методической комиссии по системе оценивания работ предусматривается исключительно система критериев. Система показателей по критериям отсутствует.

Примерные критерии оценивания аналитического задания для 7–8 классов

1. Полнота и глубина раскрытия темы и идеи – 10 баллов.
 2. Анализ изобразительно-выразительных средств языка, определение их роли в раскрытии идеи и выявлении авторской позиции – 10 баллов.
 3. Общекультурная эрудиция (социальнокультурный, историко-культурный, историко-биографический, философский контекст) – 10 баллов.
 4. Соответствие текста жанру отзыва – 10 баллов.
 5. Индивидуальное восприятие и трактовка текста – 10 баллов.
 6. Композиционная стройность, стилистическая целостность – 10 баллов.
 7. Общая речевая грамотность (речевые, грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки) – 10 баллов.
- Максимальный балл – 70 баллов.

Примерные критерии оценивания аналитического задания для 9–11 классов

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Максимум – 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30.
 2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Уместность цитат и отсылок к тексту произведения. Максимум – 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15.
 3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. Максимум – 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.
 4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. Максимум – 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.
 5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие речевых, грамматических ошибок), точность формулировок. Максимум – 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5.
- Максимальный балл – 70 баллов.

Примечание 1. Сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается.

В том случае, если олимпиадная работа обучающегося будет направляться на экспертизу в региональную предметно-методическую комиссию (жюри регионального этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе), убедительно просим жюри муниципального этапа олимпиады сделать традиционные пометки о фактических, речевых, грамматических, орфографических, пунктуационных ошибках, чтобы исключить со стороны региональных экспертов возможность «недопонимания» постановки баллов по критерию 5 (общая языковая и речевая грамотность) при проведении экспертизы.

Примечание 2. При наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и

понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения, работа по этому критерию получает ноль баллов.

Примечание 3. Вполне допустимо выставлять участникам так называемые «промежуточные баллы», то есть баллы, находящиеся в диапазоне между, к примеру, 0 и 10 баллами, 10 и 20 баллами, 20 и 30 баллами. Этот подход не противоречит рекомендациям центральной предметно-методической комиссии. Вместе с тем, членам жюри муниципального этапа необходимо учитывать, что при апелляции участник точно так же имеет право знать, почему по определённому критерию ему выставлено, например, именно 16 (или 9), а не 17 (или 10) баллов.

Примечание 4. Обращаем внимание, что начисление баллов производится целыми, а не дробными числами. При этом оценка любого задания не может быть отрицательной, то есть минимальная оценка, выставляемая за выполнение отдельно взятого задания, – 0 баллов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр – оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и / или апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Согласно методическим рекомендациям центральной предметно-методической комиссии, анализируя текст, ученик демонстрирует степень сформированности филологических навыков – именно они и являются предметом оценки. Подчеркнём, что олимпиада по литературе, по своей сути, представляет собой конкурс на лучшую творческую работу. Участник олимпиады вправе самостоятельно определять содержание своей работы, её смысловую наполненность и структуру. Исходя из этого, содержательные и иные направления для анализа текста региональная предметно-методическая комиссия не формулирует.

Важно, чтобы анализ текста приводил ученика-читателя к главному – пониманию автора, смысла его высказывания, его позиции, способов, которыми он эту позицию выразил. Анализ текста проводится учеником для того, чтобы уточнить, углубить, развить первичное понимание, увидеть произведение как целостное единство элементов, несущее в себе смысл – и на основе этого нового видения и понимания вступить в диалог с автором произведения.

Обращаем внимание также и на то, что целостный анализ текста вовсе не предполагает учет и скрупулезное описание всех его структурных уровней – от фонетической и ритмико-метрической стороны до контекста и интертекста. Лучше сосредоточиться на тех аспектах текста, которые актуализированы в нём и в наибольшей степени «работают» на раскрытие заложенных в нём смыслов. Целостный анализ текста – это не повод демонстрировать только знание филологической терминологии, и цель выполнения олимпиадного задания не в создании наукообразного текста о тексте художественном. Обилие терминов в работе ещё не означает

научности. Гораздо важнее сказать о своём собственном понимании ясно и точно, а термины использовать к месту и дозированно, ведь олимпиадное задание по литературе предполагает прежде всего собственный поиск школьника.

Основной акцент, таким образом, следует делать не на проверке конкретных элементов предметного содержания, а на умении применять знания и навыки в незнакомой ситуации, работая с не изучавшимся на уроках текстом. Ключевыми для олимпиады по литературе являются умения, связанные именно с анализом и интерпретацией текста, созданием собственного текста в разных жанрах.

Выбор художественных текстов для муниципального этапа всероссийской олимпиады школьников в 2025–2026 учебном году в большей степени опирается на рекомендации, сформулированные центральной предметно-методической комиссией, а именно:

- объём прозаического текста – в пределах 5-8 книжных страниц;
- авторство текста не увязывается с той эпохой, которая изучается в историко-литературном курсе в соответствующем классе;
- отбор текстов осуществляется и с точки зрения их формальной организации, и с точки зрения проблематики содержания, позволяющей формулировать и высказывать своё мнение;
- выбор текстов в достаточной степени учитывает возрастные особенности и читательские потребности школьников;
- тексты не содержат обценной и инвективной лексики.

Обращаем внимание, что для 7–8 классов для выполнения сопоставительного задания могут быть предложены как прозаические, так и лирические тексты (на усмотрение региональной предметно-методической комиссии).

Творческие задания для 7–11 классов выявляют творческие способности школьника, умение создавать разные по жанру и стилю тексты, готовность решать нестандартные (с точки зрения школьного обучения) филологические задачи, выступать в роли редактора, журналиста, писателя, рецензента, популярного блогера, комментатора, учёного и в других ролях, требующих филологической подготовки, литературного и культурного кругозора, языкового чутья и художественного вкуса. Творческие задания многообразны и могут варьироваться.

Региональная предметно-методическая комиссия приняла решение, что в 2025-2026 учебном году на муниципальном этапе олимпиады по литературе в Архангельской области творческое задание

для 7–8 классов будет связано с созданием путеводителя по городу, населенному героями произведений определённого автора;

для 9–11 классов с предложением своего варианта самохарактеристики предложенного или выбранного самостоятельно литературного персонажа, обоснованием обучающимся собственного выбора.

Задание будет ориентировано на творческий выбор ученика в ситуации, имеющей разные варианты решения. Форма ответа ученика может быть регламентирована.

В процессе оценивания творческого задания муниципальному жюри предлагается учитывать/принимать во внимание сформулированные ниже примерные критерии.

Для 7–8 классов

1. Историко-литературная эрудиция – 0-7 баллов.
2. Оригинальность замысла и приемов его реализации – 0-6 баллов.
3. Стилистическое соответствие заданию – 0-5 баллов.
4. Композиционная стройность работы – 0-4 балла.
5. Фактическая точность – 0-3 балла.
6. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие речевых, грамматических и орфографических ошибок) – 0-5 баллов.

Итого: максимальный балл – 30.

Для 9–11 классов

1. Достаточная полнота, точность и уместность информации о литературном герое, умение охарактеризовать или подчеркнуть его роль в произведении – 0-5 баллов.
2. Композиционная стройность работы – 0-5 баллов.
3. Оригинальность творческого решения – 0-5 баллов.
4. Использование историко-культурного и литературного контекста – 0-5 баллов.
5. Фактическая точность – 0-5 баллов.
6. Общая грамотность речевого оформления – 0-5 баллов.

Итого: максимальный балл – 30.

Таким образом, распределение баллов за всю олимпиадную работу составляет (см. таблицу):

7–8 классы	9–11 классы
Аналитическое задание – 70 баллов	Аналитическое задание – 70 баллов
Творческое задание – 30 баллов	Творческое задание – 30 баллов
Итого: 100 баллов	Итого: 100 баллов

Формальные аспекты выполнения заданий. Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников по литературе проводится в один тур (в один день).

Согласно рекомендациям центральной предметно-методической комиссии, продолжительность олимпиады (время выполнения заданий) варьируется в зависимости от класса:

– для 7–8 классов продолжительность выполнения заданий – 3 академических часа (135 минут);

– для 9, 10 и 11 классов – 6 академических часов (270 минут).

В заявленной выше продолжительности выполнения заданий уже учтено время, предназначенное для чтения художественных текстов.

Распределение времени для выполнения двух олимпиадных заданий производится обучающимися самостоятельно.

Необходимо обеспечить школьников комплектом заданий, писчебумажными принадлежностями (тетрадами, ручками), обязательно ознакомить обучающихся с правилами и временем выполнения заданий.

Наличие в аудитории (классе), где проводится олимпиада, дополнительного материала (текстов художественной литературы, словарей разных видов, учебно-методической литературы, средств мобильной связи, компьютера и т.д.) не допускается. В случае нарушения этих условий обучающийся исключается из состава участников олимпиады.

Задания выполняются письменно, только в прозаической форме, объём работ специально не регламентируется, однако он должен соответствовать поставленной задаче. При выполнении и проверке задания аналитического задания в 7, 8, 9, 10, 11 классах следует учитывать, что работа должна представлять собой цельный, завершённый текст.

Черновик сдаётся вместе с работой. Черновик не проверяется.

Проверка работ должна производиться в спокойной обстановке, исключаящей спешку. Работа должна быть проверена и подписана не менее чем двумя экспертами (членами жюри). В случае существенного расхождения баллов председатель жюри назначает третьего проверяющего или проверяет работу сам.